

«ОДНИХ СУДЬБА ВЕДЁТ, ДРУГИХ ТАЩИТ – ЭТО ПРО МЕНЯ»¹

Я родилась в 1940 году в рабочем посёлке Гурьевка Ульяновской области. Этот посёлок находился в трёх километрах от города Барыша². С 1954 года он вошёл в город Барыш. Город расположен на правом берегу Волги, на Приволжской возвышенности...

У моих бабушки с бабушкой было много детей – двадцать восемь, но до взрослого возраста дожили шесть девочек и два мальчика. Моя мама была старшей, она родилась в 1911 году. Она была стопроцентно русская. У родителей отца было четверо детей – два сына и две дочери. Папа родился тоже в 1911 году, у него отец был татарин (Шарьяев Касым, 1871 года рождения), а мать турчанка (Шамсун, 1884 года рождения). Папа с мамой поженились в 1937 году, в 1938 у них родился мальчик – Юра, который умер, не дожив до года, от дифтерита; его бабушка, отчитав сорокадневную молитву внуку, умер в 1938 году. А в феврале 1940 года родилась я. Когда мне исполнилось два года, отца вместе с его братом забрали на фронт. Брат воевал на Сталинградском фронте, попал под бомбёжку при переправе с левого на правый берег, получил ранение, ему оторвало правую руку, после чего он вернулся домой. Мой отец провоевал до 1944 года, был наводчиком артиллерийской пушки и погиб даже не в бою, а на растяжке, когда они после боя пошли умываться к колодцу. Было это в Литве, в городе Даугавпилс, где он и похоронен в братской могиле. Из девяти человек из их взвода на этой растяжке погибло восемь человек, уцелел только один; в 1946 году этот человек приехал к нам и рассказал историю гибели моего отца.

Когда погиб отец, мне было уже четыре с половиной года, но я до сих пор помню тот ужас, когда нам принесли похоронку. К моему большому сожалению, мама не сохранила писем отца с фронта, и всё, что я о нём помню, — это только рассказы моих близких. Они вспоминали, что он был очень способным молодым человеком, в школе учился хорошо, после школы в Москве окончил техническое училище и работал мастером на текстильной фабрике, которая находилась в поселке Гурьевка. На фабрике производилось сукно для производства шинелей сухопутных и морских войск. В начале войны

¹ Автобиография написана Шахмедовой (Шарьяевой) Галиной Сафьярвной (10.02.1940–05.09.2021) в 2021 г.

² Ульяновская область граничит с Пензенской областью, республикой Мари Эл, Татарстаном и Самарской областью. Через город Барыш проходит Николаевская железная дорога, которая связывает его со многими областями и бывшими республиками СССР. Город окружают леса. В основном это сосны, но есть и дубы, липы, березы, осины по берегам рек и речушек. Река Барыш впадает в реку Свиягу, а та — в Оку, приток реки Волги. В лесах, окружающих Барыш со всех сторон, много ольхи, клёна, ясеня, фундука, черёмухи, бересклета и др. Встречается большое разнообразие грибов: белые, боровики, опята, подосиновики, подберёзовики, грузди, рыжики, мухоморы. Также летом много ягод — земляники (красной и жёлтой), голубики, малины, смородины. Почвы в основном подзолистые и песчаные, сильно размываются во время ливней, отсюда и очень много оврагов (прим. авт.).

из Белоруссии, из Гомеля, была эвакуирована швейная фабрика, которая эти шинели и производила. Когда в посёлок эвакуировали фабрику вместе с рабочими, мама освободила квартиру для беженцев, а сама перешла жить к матери, так что росла я в очень большой семье до восьмого класса и была самой маленькой там.

Во время войны, где-то в четыре года, меня крестили. Моей крестной стала тётя Надя, мамина сестра 1920 года рождения³. Так я стала православной, крестили нас не в церкви, которая была от нашего посёлка в восемнадцати километрах, а в доме, сразу несколько человек, а так как мужчин практически не было, то крестным отцом был у нас один человек, Пётр Звягнецев, а крестные матери — разные.

В тот же год летом бабушка повела меня в церковь. Шли мы туда пешком километров восемнадцать – двадцать, сама церковь произвела на меня непередаваемое впечатление своей высотой, куполами, звоном колоколов, иконостасом. Это потом, уже в школе, из нас воспитывали атеистов и запрещали посещать церкви.

С детства я была окружена заботой и любовью моих родных, сестёр и брата матери. Жили мы все в одном доме, который состоял из комнаты, спальни, кухни, сеней, чуланчика и крыльца. В доме для отопления и приготовления пищи были печь и «голландка». Жилые помещения были небольшими, поэтому из мебели было три кровати, шкаф, сундук и стол. На кухне стоял большой стол, деревянный диван и табуретки. Спали шесть человек на кроватях, а остальные — на полу. Бабушка летом спала на сундуке, а зимой на печке. Ели все из одной большой чашки, тарелок не было. Мне, как самой маленькой в семье, еду давали отдельно в маленькой эмалированной чашечке, а сидела я на балясинке дивана. Но, что интересно, жили мы очень дружно, пищу готовила бабушка, а все расходы вела моя мама, как старшая в семье. Под домом был подпол, где зимой стояли бочки с солёными грибами, квашеной капустой и насыпанной картошкой. Картошку выращивали сами, а грибы собирали всё лето и солили. Так как отопление было дровяное, то дрова заготавливали в лесу, и чтоб их получить, бабушка летом в лесхозе работала бесплатно, высаживала рассаду деревьев, в основном сосну.

В семье постоянно жили от девяти до одиннадцати человек: сестры выходили замуж, брат женился, у них рождались дети. Дядя Гриша был самым младшим в семье, женился он в 1949 году, а в 1950 у них родился сын. До трёх лет его держали дома. Начиная со второго года Жени, в мои обязанности входило укладывать его спать днём. Делала я это с большим удовольствием и всегда пела ему в это время песни. Пока я пою, у него закрыты

³ Судьба её тоже интересна. После школы она стала работать воспитательницей в яслях. В 1943 году её забрали в армию, служила она в Сталинграде, выучилась на водителя полторки — самой распространённой машины того времени, но после армии вернулась воспитателем в ясли, где и проработала до самой пенсии. В 1950 году вышла замуж, и в 1951 году у неё родился сын Валентин, который после окончания школы уехал в город Екатеринбург. Потом отслужил в армии в Астраханской области, вернулся в Свердловск, женился на татарочке, забрал к себе мать. Там и прожила она до самой смерти. У неё было две внучки, которых она на лето привозила ко мне в Ташкент (прим. авт.).

глаза, но стоило мне замолчать, он их тут же открывал. С детских лет и до настоящего времени мы с ним очень дружны. Лет с четырёх я стала брать его с собой кататься на лыжах, он никогда не отставал, и даже бывали казусы: он падал и так глубоко оказывался в снегу, что приходилось откапывать его лыжной палкой. В ясли его не водили. Где-то в 1953 году бабушка уехала в Карелию, где у неё жила младшая дочка Аня, и я оставалась утром одна. В мои обязанности входило накормить Женю и смотреть за ним, задать корм курам и козам. Одна из этих коз была очень «оригинальной» — с малых лет рогами прижимала меня к стенке, поэтому я её очень боялась.

Когда училась в университете, в одни из каникул возила Женю и Валентина к моей любимой тёте в Саратов. Во время его службы в армии я уже училась в аспирантуре в Ленинграде. Первый год он находился во Владивостоке, там он обучался и в дальнейшем попросился на Балтику, чтоб иногда встречаться, но его отправили в Германию. Мои родственники со стороны отца жили в соседнем доме, и с малых лет я постоянно бегала к ним. А так как я была похожа на погибшего отца, они меня очень любили и опекали.

Когда отца забрали на фронт, мама перешла жить к своей маме, освободив квартиру для беженцев. До четырёх с половиной лет я не ходила в детский садик, за мной присматривали обе бабушки. Наши дома стояли на опушке леса. Когда я была маленькая, то нянчили меня мамины младшие сестрёнки, и где-то на втором году выронили из окна. Дом стоял на горке и там, куда выходили окна, до земли было метра три. Это я знаю со слов моей бабушки. Сначала я упала на завалинку, а потом на землю. Но, наверное, я удачно приземлилась, ничего не повредив. А выяснилось это только в три часа пополудни, когда мама пришла с работы. Организовали поиски к вечеру, но, на моё счастье, я вышла на дорогу в шести километрах от нашего посёлка, которая вела к деревне. В это время очень многие из этой деревни работали на наших фабриках, я уже знала, как моя фамилия, как зовут мою маму, и нашлись люди, которые её знали. Они и привели меня домой, когда уже начало темнеть. От переживаний мать меня так отпорола ремнём, что, если бы бабушка меня не отняла у неё, она, наверное, запорола бы меня до смерти. После этого кончилась моя «свободная» жизнь — отдали меня в детский сад, который я терпеть не могла, потому что там был распорядок, и нужно было днём спать, чего я уже, наверное, лет с трёх никогда не делала. Первые полгода я постоянно болела и только к следующему лету немного привыкла. Особенно мне нравилось, когда нас водили летом на речку. Я забиралась поглубже, где меня начинало затягивать, и в шесть лет уже научилась плавать. Это сейчас детей водят за ручку чуть ли не до конца начальной школы, а тогда показали один раз дорогу в садик — и всё, ходила сама.

Дорога в детский сад проходила мимо большого пруда, также нужно было переходить речку по мосту, но почему-то это не было опасным для самостоятельного пути. А ещё у меня был друг — обычная дворняжка Шарик, с утра он отводил меня до садика, я входила, он убегал. Но когда

я выходила из садика, он уже сидел на пригорке и провожал меня до дома. Я клала ему руку на загривок, и так мы с ним путешествовали. Его не держали на цепи, у него не было будки, жил он в сених, для чего в двери сеней была вырезана дырка.

В пятидесятые годы в лесу было очень много волков. Однажды был такой случай. Текстильная фабрика в посёлке работала круглосуточно, мама собиралась в ночную смену, а Шарик постоянно лаял. Выглянула она в окошко, которое выходило на крыльцо, а перед ним сидит «большая собака». Посмотрела бабушка и сразу поняла, что это волк. С глухой стороны дома, где не было окон, в гору в лес подались ещё семь волков. Были случаи, когда волки загрызали людей, вырезали целые стада овец. Но тем не менее все летние каникулы в школьные годы мы проводили в лесу.

В школу я пошла в 1947 году, и было мне уже семь с половиной лет. По окончании первого класса и далее ежегодно меня отправляли на одну, а иногда на две смены в пионерский лагерь. Так как я была сирота, отец погиб на фронте, то путёвки в пионерский лагерь мне давали бесплатно, их оплачивал профсоюз фабрики, где работала моя мама, и откуда на фронт ушёл отец. Это был пионерский лагерь для детей текстильщиков всего района. Он был расположен в селе Акшут, на месте какого-то дворянского поместья. Там был прекрасный парк, аллеи с голубыми и зелёными елями, кедром, берёзами, липами, были дубовые поляны, где обычно проходили наши отрядные сборы, где мы учились петь, плясать, читать стихи и готовились к закрытию смены, когда обязательно был костер. Одновременно в лагере отдыхало не менее четырёхсот – пятисот человек. Было десять – двенадцать отрядов по сорок человек, сформированных по возрасту. На территории лагеря было футбольное поле и большой пруд, где мы купались.

Школа стала для меня отрадой. Я даже не пошла в садик, откуда нас должны были привести в школу, а с утра сама убежала в первый класс. Учёба давалась мне очень легко, не было никаких проблем, и практически никогда я не пропускала уроков по болезни. Даже когда из-за низких температур отменяли занятия, я всё равно шла. С первого класса я стала старостой класса и была ею до восьмого. Моя первая учительница, Рубцова Мария Макаровна, отдавала нам всё время, почти нянчилась с нами, иначе не скажешь. Я часто бывала у неё дома, она поручала мне проверять контрольные работы по русскому и математике, следила за нами и позже. Когда я окончила школу и поступила в университет, переписывалась с первой учительницей, и так было до самой её смерти.

С пятого класса нашим классным руководителем стала молодая учительница математики Скорнякова Вера Ивановна, которая также была с нами постоянно. Стоило кому-то из учителей заболеть, так у нас сразу была математика. Иногда, в карантинные дни, у нас было по шесть уроков математики. Также вместе с нами она участвовала в художественной самодеятельности, собирала макулатуру, металлолом. Иногда она нас сильно ругала, когда мы хулиганили. И вот на одной из таких «разборок» она нам заявила,

что при таком отношении к учёбе мы никуда не поступим учиться, на что один из наших учеников (Локтев Виктор) заявил, что у нас дальше учиться сможет только Шаряева, то есть я.

Очень хорошим преподавателем у нас была и учительница химии Евсеева Александра Михайловна. Хотя химия у нас была два урока в неделю, к концу четверти у каждого из нас было по восемнадцать – двадцать оценок. А делала она так: при входе в класс освобождала первые три парты, и шесть учеников получали задание; доску делила мелом на три части, и ещё три ученика получали задание, а один отвечал устно. В классе было тридцать человек. Стоило кому-то из учеников отвлечься, она прерывала отвечающего и поднимала болтуна, который должен был продолжить ответ, иначе ему «прилетала» «двойка». Поэтому по химии мы были подготовлены классно, знали наизусть всю таблицу Менделеева, валентность была выучена до автоматизма. Составить уравнение, решить его не составляло никаких проблем.

Когда я училась в университете, у нас было шесть курсов по химии, и на лекциях по органической и неорганической химии я сидела и часто читала какую-то иную книгу. На уроках по биохимии на третьем курсе, а преподавал нам её очень известный академик университета, случались даже такие казусы, что несколько раз я находила ошибки и заявляла, что уравнение (а уравнения там очень сложные) написано неправильно: например, углерод четырёхвалентен, а в уравнении он пятивалентен. И академику приходилось вносить изменения. Потом доходило до того, что преподаватель напишет уравнение и смотрит в мою сторону, и если я переписываю это уравнение, то он продолжает лекцию дальше.

Хорошим преподавателем была у нас молодая учительница по физике. Она так старательно вкладывала нам законы физики, пока это не доходило до самого слабого ученика. А в девятом – десятом классах другая учительница по физике научила нас классно решать задачи.

А вот с русским и немецким нам не везло — учителя были слабые, часто менялись. По немецкому языку только в восьмом классе у нас была хорошая учительница, но она нам успела преподать только грамматику языка. Евгения Максимовна прозанималась с нами год, вышла замуж и уехала с мужем (он был военным) в Германию. Во время отъезда мы провожали её всем классом и ревели — и она, и мы. Ну, а с русским языком нам так и не везло: с восьмого по десятый классы у нас был сильный учитель по литературе, а русского языка в этих классах уже нет. Мы изучали произведения классиков, а потом писали сочинения. Наиболее сильным ученикам, к коим относилась и я, Любовь Ефимовна давала задания прочитать произведение и пересказать его.

В аттестате зрелости у меня всего три «четвёрки» — по русскому, немецкому и черчению. С преподавателем по черчению у меня была непонятная для меня история. Какой бы чертёж я ни представила, больше «четвёрки» она мне не ставила, и тогда я провела такую работу. В соседнем классе училась моя подруга, и я попросила её принести мне чертёж с отметкой «пять»,

поставленной нашей же учительницей. Аккуратно стёрла оценку, вложила этот чертёж среди трёх своих и подала на проверку. Просматривая мои чертежи, опять начала придираться и поставила «четыре», когда же дошла до чертежа, где ею была поставлена «пятёрка», заявила, что этот вообще никуда не годится. Тут я поняла, что мне никогда не получить пятёрок по черчению. Я вырвала у неё из рук все четыре листа с чертежами, бросила их через весь класс на свою парту и убежала из класса. У меня началась истерика, редела, наверное, на всю школу, и тут меня увидела моя первая учительница. Когда я ей рассказала, что произошло, шум был на всю школу. Был педсовет и учителю черчения, что называется, «мозги вправили». Но всё равно, в аттестате была третья «четвёрка», из-за чего я не получила медали по окончании школы.

Ещё один казус был в школе у меня с учителем по биологии. Обычно за весь месяц по устным предметам нас спрашивали по два раза. А так как у меня была прекрасная память, то постоянно я выполняла дома только задания по русскому языку и математике, а устные — только перед тем, как должны были спросить. И вот в девятом классе учитель по биологии меня спросила, я ответила, получила «пятёрку». На следующем уроке по биологии она меня опять вызвала, и я ответила на «четыре». На следующем уроке опять вызывает отвечать — я возмутилась и заявила ей, что не пойду отвечать, и она поставила мне «двойку». До конца четверти, как бы я ни тянула руку, больше она меня отвечать не вызывала. Сколько я перетерпела из-за этой двойки! В то время я уже была комсомолкой, и меня разбирали на комсомольском собрании школы за эту оценку. Только после этой разборки она мне и дала возможность исправить «двойку». Правда, после этого случая я уже не захотела вступать ни в одну организацию и еле дождалась, когда кончится срок быть комсомолкой.

Расскажу, как я много читала и почему. Во-первых, чтение стало моим хобби с первого класса. Во-вторых, у нас при фабрике был Дом культуры, где была прекрасная библиотека, которую возглавляла мать моей подружки, Нади Папеновой. Она не просто давала книжки, но и при сдаче просила рассказать, о чём книга, понравилось ли, что интересного узнали. Это относилось ко всем читателям, на всех у неё хватало терпения и выдержки. Как я уже писала, я жила в большой семье и была самой маленькой, а библиотекой пользовались все мои родственники, но не всегда успевали прочитать, а ведь нужно пересказать при сдаче книги, поэтому читала в основном я всё подряд.

Учёба мне давалась очень легко, из домашних заданий я выполняла только письменные, а остальное время читала. Первой книгой, которую я прочла в первом классе, была «Первоклассница», было в ней сто две страницы, и дали её мне на два дня. Вот её я и прочла. Ну а потом читала всё подряд. Так, книги «Поднятая целина», «Тихий Дон» я прочла уже в третьем классе, и не просто читала, но и должна была пересказать моим родственникам. В это время было очень много книг о Великой Отечественной войне — «Белая

береза» и другие. Эти книги были популярны, что неудивительно, ведь мужчины средней полосы России были практически выбиты, у нас в классе было тридцать человек, и только у четверых были папы, а остальные были сиротами. Да и из этих четверых у одного был папа, а мама погибла на войне. Став постарше, я читала уже более осознанно. Так, я перечитала все произведения Золя и Бальзака. Произведения Пушкина и Лермонтова не просто читала — «Евгения Онегина» и «Мцыри» знала наизусть. Симонова, Толстого, и не только Льва, но и Алексея, читала запоем и не один раз. «Анну Каренину» и «Войну и мир» читала по несколько раз. Ну а в шестидесятые года любимыми были произведения Есенина, Симонова и других, их заучивали наизусть чуть ли не всем курсом.

В школьные годы я была очень активной, ходила во все кружки, которые были организованы, участвовала в постановке спектаклей ДOME культуры, летом — в походы. С первого класса посещала хор, и когда мы выступали с хором в ДOME культуры фабрики, обычно стояла в первом ряду, за аккордеонистом, из-за которого виделся только бант на голове.

В третьем классе была принята в пионеры, а в шестом стала комсомолкой. В пионерском лагере очень часто была председателем отряда, а один год даже председателем дружины. Однажды, наверное, классе в восьмом, был в пионерском лагере такой казус: в одном отряде оказалось две Гали Благушиных, одна — я, а вторая — из Измайловки. Стали, как обычно, выбирать председателя отряда, наши называют меня, а измайловцы — свою Галю Благушину. Выбрали меня, но я чувствовала, что мы родственники, и когда приехала меня навестить бабушка, выяснилось, что она моя троюродная сестрѐнка. В Измайловке жил брат моего дедушки, и это была внучка его от старшего сына, который также погиб на фронте. Потом мы стали дружить, она приезжала к нам, а я с мамой ходила пешком через лес километров за пятнадцать к ним в гости.

В пионерском лагере нас очень хорошо кормили. У нас была своя пекарня, кухня и столовая. Когда детей принимали, обязательно осматривали врачи и взвешивали, и было обязательным, чтоб к концу смены все поправились. На завтрак нам очень часто давали белый хлеб со сливочным маслом и чёрной икрой, каши и какао. Ходили мы и в походы, вокруг были хвойные леса и очень много земляники. В девятом классе семь человек из нашей школы, куда попала и я, так как училась очень хорошо, были отправлены на экскурсию в город Москву. Жили мы в школе, возле парка Сокольники. Программа была очень насыщенной: с утра до обеда экскурсии — Третьяковская галерея, парк Горького, московское метро и Кремль, Выставка достижений народного хозяйства, обсерватория и др., а вечером с нами занимались, организовывали викторины и игры. Кормили нас в столовой, а так как в те годы в магазинах города Барыша практически ничего не было, после столовой мы заходили в магазин и покупали по килограмму сахарного песка. Однажды нас погрузили на теплоход, и мы отправились на водохранилище. Во время этой поездки побывала я, одна из всей группы, и в Оружейной палате

Кремля. Пробыли мы в Москве в общей сложности семнадцать дней. Но это было незабываемое время. Когда я была не в лагере, а дома во время каникул, то проводили мы это время в основном в лесу. Начиная с июня и кончая августом, собирали всё по мере созревания — цветы, ягоды, грибы и сосновые шишки, последние — для разжигания самовара. А так как рядом с домом больших сосен было очень мало, то ходили мы за шишками километра за три, на другой конец леса. Набирали их в мешки, вёдер по пять, оттуда шли — на заливке мешок, а в руке ведро с шишками. Вот это и было для нас физкультурой, развивалась и стройная походка, и мышцы рук и ног. Водопровода в посёлке тоже не было, воду в вёдрах таскала на коромысле. Играли во всякие игры: лапту, волейбол, прятки, бегали, прыгали, а не сидели за компьютером или у телевизора. Вся культурная программа была в Доме культуры фабрики, где для нас, детей, работало очень много кружков, причём бесплатно.

Так как в семье у нас были все взрослые и все работали, а продлёнки в школе не было, то у меня была привычка идти после школы не домой, а к какой-нибудь из моих одноклассниц. Так, я очень любила бывать у Вали Выборновой. В их семье было пятеро детей чуть младше нас. За ними нужно было смотреть. Ещё я любила бывать у Зои Маркеловой, у неё были две младшие сестренки и братик. А ещё у них была корова, и по весне в доме держали телёнка. Жили они в собственном доме на окраине посёлка, и идти от них было нужно не менее трёх километров. И вот однажды, возвращаясь от неё, а было это уже в шестом часу вечера, я попала в метель и еле-еле добралась до дома, за что здорово досталось от мамы.

В 1957 году я окончила среднюю школу и хотела учиться дальше, и не где-нибудь, а в сельскохозяйственном институте... Тут возмутилась вся моя родня, а мотив был такой: «Будешь ты в марлевой косынке и кирзовых сапогах мерить поля». Поэтому я поехала в город Куйбышев (ныне — Самара) поступать в педагогический институт. Конкурс был очень большим, а я не к экзаменам готовилась, а больше смотрела по сторонам. Не сдав даже первого экзамена, вернулась домой и с семнадцатого августа поступила работать на швейную фабрику. После года работы родня согласилась на моё поступление в сельхозинститут.

Я отправилась в Ташкент во время отпуска. Почему-то сдала первый экзамен на «три» и решила, что конкурс не пройду, забрала документы и отправилась в гости к маминой сестре, причём на автобусе от Ташкента до Андижана, а оттуда мне нужно было добираться до посёлка Нефтепром Андижан, где она жила. Мне почему-то очень хотелось посмотреть Среднюю Азию. Вернувшись из отпуска, снова продолжила работу на фабрике. Проработав там два года, созрела наконец-то для продолжения образования и отправила документы в Ташкентский университет на механико-математический факультет. Математика мне давалась очень легко. Ещё в третьем классе, решала задачи своим подружкам-четырёхклассницам. Во время контрольных в школе, начиная с четвертого класса, успевала

решать их и своей подружке по парте. В восьмом – десятом классах даже были такие казусы: стоило мне закончить решение по своему варианту, наша математичка отбирала у меня тетрадь и выгоняла из класса. Правда, эту проблему я вскоре решила, сначала решала вариант подружке, а потом уже свой. Поэтому и решила поступать на механико-математический. Когда пришёл ответ, что документы приняты, вступительные экзамены первого августа, я стала увольняться с работы, и это была целая эпопея.

Когда я поступила на работу, то меня приняли писать паспорта к выпускаемой продукции, работало нас там двое. Я умудрилась так быстро писать, что у меня оставалось время читать на работе книжки. Сократили и перевели меня на конвейер. Там я тоже умудрялась делать это так быстро, что тоже посчитали, что двум человекам там делать нечего, перевели меня на сложную операцию, там я тоже быстро освоилась, и опять у меня оставалось время на чтение книг. И наконец-то меня поставили резервистом, а это сотрудник, которого ставят на место не вышедшего на работу. Тут у меня уже не оставалось времени, так как не успеешь толком освоить одну операцию, переводят на следующую. Так что за время работы резервистом освоила все операции по пошиву тёплой верхней мужской одежды. Правда, и платили резервистам на двадцать процентов выше. Чтобы уволиться, написала заявление, которое должен подписать сначала мастер цеха, потом бригадир, потом начальник и только потом оно попадало к директору и в отдел кадров на увольнение. Вот и стали они меня гонять от одного к другому, и никто не подписывал. А нужно ещё отработать две недели. Два дня я ходила от одного к другому безрезультатно. Наконец, отчаявшись, стою на лестнице и плачу, идёт мимо инженер фабрики, пригласил в свой кабинет, где я ему рассказала эпопею с увольнением, он взял моё заявление, подписал его, спросил, куда я собираюсь поступать, вот так закончилась эпопея с моим уходом с работы⁴.

И вот, наконец, отработав и уволившись с работы, я села на поезд Москва – Ташкент и отправилась в Ташкент. Поезд от нас до Ташкента ехал пять ночей и четыре дня. Тогда ещё, а это был 1959 год, город Аральск стоял на берегу Аральского моря. Поезд в город Ташкент прибывал ранним утром и, сдав вещи в камеру хранения на вокзале, я отправилась искать Ташкентский университет. Никаких родных и знакомых у меня там не было. Доехав до университета на автобусе, нашла приёмную комиссию. Располагалась она в зале, где приём шёл на все десять факультетов университета. Поступать я решила на механико-математический, и предстояло мне выдержать пять экзаменов: математика письменно и устно, физика, немецкий и сочинение.

⁴ С инженером фабрики я не была знакома, но хорошо знала его жену, она была у нас преподавателем физкультуры. Физкультуру я не любила, получала удовольствие только от волейбола и катания на лыжах. В последнем даже имела кое-какие успехи: принимала участие в районных соревнованиях по лыжным гонкам и даже занимала призовые места. Учительница по физкультуре была женой инженера фабрики, и жили они в доме рядом со школой, у них была маленькая дочка. Так что часто вместо урока физкультуры она просила меня побыть у неё дома. Как правило, дочка в это время спала, а я что-нибудь читала — у них был очень хороший выбор книг.

В приёмной комиссии мне выдали направление в общежитие, и где-то часам к двум я до него добралась. При входе сидела девушка-дежурная. Спросила меня: «Поступать? У нас в комнате есть место». Потом она поехала со мной на вокзал, мы привезли мой чемодан и стали жить вместе. В комнате нас было пятеро, двое поступали на математический, двое — на исторический и одна — на географический. Все мы были очень молоды, очень много смеялись, и самое интересное, что все пятеро поступили. Но при сдаче экзаменов выяснилось, что нужна не просто характеристика для поступления, а характеристика-рекомендация. Это сейчас всю работу через Интернет можно сделать в течение суток, а тогда только почтой. Сдала я первый экзамен, а ко второму меня не допустили, так как ещё не пришла эта характеристика. Поступила она только на одиннадцать день, когда наши сдавали уже физику. И вот, сдав утром физику, после обеда я сдавала математику устно на физическом факультете. Два экзамена в один день! Ну, а сочинение и иностранный сдавала со своими будущими сокурсниками. Конкурс у нас был шесть человек на место, очень много отсеялось на математике. При сдаче устного экзамена из трёх человек практически сдавал один. К сочинению уже было два человека на место, а когда сдавали иностранный язык, конкурса уже не было. Были приняты все, кто выдержал все экзамены. Итак, в 1959 году в августе месяце я была зачислена со стипендией на механико-математический факультет университета.

Дали и место в общежитие, жили мы одиннадцать человек — полный интернационал: двое русских, двое татар, двое казахов, двое узбеков, одна немка и я. Жили очень дружно, питались сообща, пищу нам готовил дежурный по очереди, и получалось, что в месяц эту обязанность приходилось выполнять два – три дня. Стипендия была двадцать пять рублей, однако мы не только оплачивали дорогу и питание, но и умудрялись смотреть все киноновинки, ходили в художественный и оперный театры, а также бывали на выставках. Не пропускали гастроли московских театров.

С середины сентября нас отправляли на уборку хлопка в колхозы республики, где мы обычно были до ноябрьских праздников. Работали мы там весь день и без выходных. И это не считалось чем-то особенным. Собрав первый раз сорок два килограмма хлопка, я очень скоро научилась собирать до обеда пятьдесят — шестьдесят килограммов. В это время в Узбекистане стоит тёплая погода и совершенно нет дождей. Собранного хлопка вполне хватало, чтоб оплатить питание — обед и ужин прямо на поле, но ещё и оставалось немного денег и на руки. И когда мы приезжали с хлопка, нам выдавали стипендию, и на эти деньги можно было одеться.

После полевых работ у нас был очень насыщенный график учебы, ежедневно по четыре пары с восьми утра до шесть вечера. Оказавшись впервые так далеко от дома, приспособиться было очень трудно. Вместо немецкого нужно было учить французский, да ещё и математика утром, в обед и вечером. Так что первую сессию в университете я сдала с большим трудом. Каникулы из-за сбора хлопка были всего десять дней, так что я даже не смогла

поехать и вскоре заболела. Были постоянные головные боли и выделения из носа. Обратилась к врачу, у меня признали левосторонний гайморит и после прокола срочно назначили операцию. Всё это заняло больше месяца и, оформив академический отпуск, я отправилась домой на каникулы. Предстояло снова начинать учебу на первом курсе, но дома я ничего не сказала, было стыдно, и я устроилась на работу в детский садик, чтобы заработать денег на дорогу в Ташкент. И ещё для себя решила, что переведусь на биологический факультет.

Когда я жила в Барыше, то очень много ходила пешком, в Ташкенте же до университета нужно было ездить на транспорте. Однако я очень скоро решила до университета тоже ходить пешком. На дорогу у меня уходило минут сорок – пятьдесят. Мой путь до университета проходил мимо дома специалистов, и всякий раз, когда я там проходила, встречалась с академиком Райковой Иларией Алексеевной, она тоже ходила до работы пешком и почему-то всегда несла с собой много книг. Однажды я предложила ей свою помощь, и с тех пор мы с ней всегда ходили вместе. Именно она принимала активное участие в становлении Ташкентского университета, везла книги из Московского и Ленинградского университетов, дарованные при открытии университета в Ташкенте. А была она заведующей кафедрой дарвинизма, анатомии и эмбриологии растений на биолого-почвенном факультете. Так судьба свела меня с удивительным человеком, с которым я была связана до самой её смерти. Часто бывала у неё дома. Именно от неё я узнала о Всероссийском институте растениеводства и об одной из его станций, которая была организована Н. И. Вавиловым в 1924 году под Ташкентом. На ней я после окончания университета проработала с 1965 по 1992 годы, до развала Советского Союза. По дороге в университет мы с ней всегда разговаривали. Вернувшись с каникул, написала заявление и меня перевели на биолого-почвенный факультет. В первый год учёбы не было ни стипендии, ни места в общежитии. Но меня приютили девочки, с которыми я училась на механико-математическом, ну а после первой сессии, которую я успешно сдала, стала получать стипендию и мне дали место в общежитии.

С первого курса я была настроена на кафедру, возглавляемую И. А. Райковой, получила профессию цитоэмбриолога и всю жизнь связала с одной культурой — хлопчатником. Следует сказать, что с первого курса у нас была дисциплина «Введение в биологию», которую нам читал тогда ещё ассистент, а ныне академик Мусаев Джура Асимбаевич. На наглядных цитологических препаратах нам вложили митоз и мейоз, в чём их единство и различие.

Как-то так получилось, что о вейсманизме и морганизме мы не имели понятия. С 1948 года генетика в нашей стране была под запретом, хромосомы считались артефактами, очень многие генетики были в стране в загоне, а перед войной и уничтожены как враги народа. На втором курсе нам прочитал курс лекций по генетике Е. С. Бородин. Книг по генетике тогда не было, и вот, прослушав этот курс, чуть ли не все студенты ринулись на нашу

кафедру. Но распределение по кафедрам прошло на первом курсе, и никого к нам не взяли. При специализации на нашей кафедре нам читали лекции очень многие профессора. Так, Фадеева из Ленинградского университета читала нам лекции по генетике популяций, В. А. Струнников⁵ — генетику тутового шелкопряда. Ткачук, профессор Киевского университета, читал нам биофизику. У нас был прекрасный ботаник, который прекрасно знал всю флору Средней Азии, с закрытыми глазами определял вид растения.

И ещё у нас на первых трёх курсах была очень интересная практика. На первом курсе – в горном ауле Бричмула, выше селения Чарвак. На практике с утра мы отправлялись на сбор растений, знакомились с местной флорой, после обеда делали описание этих растений и закладывали гербарий. Это несколько позже там было построено Чарвакское водохранилище. С утра мы отправлялись в горы, собирали растения, после обеда их определяли и сдавали отчёты за день. И были мы на этой практике целый месяц. На втором курсе практика была в Памиро-Алайских горах в селении Ярдан, что несколько выше Шахимардана, где располагался знаменитый курорт по лечению туберкулеза. Чтоб добраться туда, мы ехали через Ангрено-Кокандский перевал. Со стороны города Ангрена подъём на этот перевал был в виде серпантина, с плавным въездом наверх, а со стороны Коканда — очень крутой спуск с большим количеством изгибов, местами вырезанными прямо в скалах. Потом проехали через всю Ферганскую долину, покрытую хлопковыми плантациями. Весь курс, а это шестьдесят человек, добирались на грузовых полупортаках. Выехали мы рано утром и приехали на место только часа в три ночи. Жили мы в школе, раскладушки и постельное бельё везли с собой. Селение Ярдан расположено в зоне, где кончаются смешанные леса, — это в основном яблоня и абрикос — и начинаются хвойные — ель, сосна, пихта и др.

На втором курсе практика была по трём дисциплинам: ботанике, диким животным и птицам и низшим растениям. Там же сливались две горных реки, в одной вода была совершенно жёлтая, в другой — совершенно прозрачная. И в ущелье рек одна сторона — отвесные скалы, вторая — пологие поверхности, на которых, как свечи, стояли растения эримуруса. Там, на пологих склонах были распаханы участки, высеяна пшеница, а дороги обсажены сплошь абрикосом.

На третьем курсе практика была в институте СоюзНИХИ (Всесоюзный научно-исследовательский хлопковый институт). Основным направлением этого института была разработка агротехники возделывания хлопчатника, его место в севообороте, основные культуры хлопкового оборота. Там занимались в основном агротехникой, севооборотами. На этом же курсе мною была выполнена курсовая работа «Полиплоидия в природе и опыте». Ну а на четвёртом курсе мы уже собирали материал для дипломных работ. Опыты по своей теме «Облучение как метод преодоления нескрещиваемости

⁵ В конце семидесятых годов В. А. Струнников был президентом Всесоюзного общества генетиков. Это ему принадлежат работы, в которых удалось связать окраску грены с полом, так как мужские особи дают на двадцать процентов больше шелка.

разнохромосомных хлопчатников» я проводила в ботаническом саду университета. Работать пришлось с четырьмя видами культивируемого хлопчатника — два вида 26-хромосомных, два вида 52-хромосомных. Между собой 26- и 52-хромосомные практически не скрещиваются, и мне пришлось облучать пыльцу 26-хромосомных, а затем опылять этой пылью 52-хромосомные виды. Так как направление было цитоэмбриологическим и нужно было проследить, как облученная пыльца прорастает, то фиксировать материал приходилось через сутки, двое, пять и десять дней.

Дипломная работа требовала очень много времени, особенно в июле и августе, при этом пыльцу я облучала в институте ядерной физики, который находился в двадцати километрах от ботанического сада университета. Вставать приходилось в пять часов утра, бежать в ботанический сад за цветками, затем добираться до служебного автобуса института. Туда я попадала к восьми утра. Там мне облучали пыльцу разными дозами, и я ехала в ботанический сад университета опылять цветки, кастрированные накануне. Час обеда, и снова в ботсад кастрировать бутоны для следующего опыления, не менее ста пятидесяти – двухсот штук. И так всю неделю, кроме воскресенья, и в течение полутора месяцев — июль – август.

Каждый год во время учебы я ездила домой на зимние и летние каникулы. Надо сказать, что когда я приехала в Ташкент, то меня очень удивило обилие продуктов в магазинах, по сравнению с магазинами города Барыша, где я прожила девятнадцать лет. И вот, когда ехала на каникулы домой, то везла с собой массу этих продуктов. Поэтому встречали меня все мои родственники. И ещё была одна закономерность: во время каникул каждая из моих тётушек обязательно накрывала стол, так что во время зимних каникул такое было практически каждый день. Ещё стол по поводу моего приезда накрывала мамина подружка и дядя Кирюша, отец моей школьной подружки. Из дома меня всегда провожала бабушка, идти я должна была задом наперед, а она меня благословляла. В 1965 году она очень плакала и говорила, что больше меня не увидит, мне даже было страшно слушать. Но так и случилось, в феврале она слегла, а двадцать третьего апреля её похоронили.

Когда в 1965 году, в год окончания мной университета, генетика вновь в Советском Союзе заняла достойное место, оказалось, что только в трёх университетах её правильно преподавали — Ташкентском, Ленинградском и Новосибирском. Вышла книга М. Е. Лобашева «Генетика», и многие институты подали заявки на нас. Так, после университета на меня пришло три заявки: из института экспериментальной биологии, института селекции хлопчатника и с опытной станции ВИР. Однако при распределении пришли люди из Министерства образования, и всех нас отправили в школы в сельскую местность. Нам даже не дали диплома, мы его получили только через год. Поехала я на свои последние каникулы в город Барыш, а первого августа должна была вернуться, чтоб ехать на работу в школу в какой-то аул. Правда, так как я хорошо училась, меня направили в город Мары Туркменской ССР,

там к этому времени открывался институт, и им был нужен биолог со знанием генетики.

Отдохнув две недели дома у мамы, решила навестить свою любимую тётку, которая к тому времени уже жила в Саратове. Здесь следует отметить, что у моей мамы было пять сестёр, и четыре из них жили в Барыше, у всех у них было по одному ребёнку. И вот когда мы, дети, выросли, то все уехали и забрали с собой и матерей. Приехала я к тёте Вере, а оттуда должна была ехать в Ташкент. Но в 1965 году из Саратова можно было уехать только проходящим поездом Киев – Ташкент, на который билет купить я не смогла. А улететь оттуда можно было только через Самару, в общей сложности в Ташкент я смогла прилететь только шестнадцатого августа вместо первого числа. На второй день после приезда я пошла в кино, а не в отдел кадров университета за направлением. По дороге в кино мне попала вывеска на здании «Министерство образования», и совершенно непроизвольно я решила зайти на приём к министру, чтоб сказать, что у меня нет ни желания, ни призвания быть преподавателем. До начала сеанса в кино у меня было минут двадцать. Самое интересное, что меня приняли. О чём конкретно говорила с министром, я не помню дословно, но кончился этот приём тем, что я сказала: «Вы посылаете в школы выпускников, у которых нет к этому призвания, поэтому у вас такие проблемы, когда люди отработывают и при удобном случае сбегают». После этих слов министр меня выгнал и велел закрыть дверь с той стороны, на это я ему ответила: «Я права, и Вам больше нечего сказать». На другой день я отправилась с утра в отдел кадров университета за направлением. Начальник отдела кадров спрашивает, куда дать направление, вчера им позвонил министр образования и сказал: «Отправьте её, куда она хочет». И я, конечно, взяла направление на Среднеазиатскую опытную станцию ВИР, где проработала с 1965 по 1992 год, 27 лет, до развала Союза.

На втором курсе университета, на биологическом факультете были ещё курсы по медицине. Еженедельно один день нам читали лекции по медицине, а летом у нас была практика в больницах, после чего нам выдали свидетельство медработника запаса, и все девочки были военнообязанными. А на пятом курсе студенты биологического института не хлопок собирали, а были отправлены медработниками на разные факультеты университета. Я целых три месяца проработала на романо-германском факультете университета. Это было для меня тоже очень хорошей практикой, в фельдшерском пункте научилась очень многому, так как приходилось обслуживать не только студентов, но жителей того аула, где этот пункт находился и где работала врач, также присланная на период сбора хлопка из Ташкента.

Опытная станция была организована Н. И. Вавиловым в 1924 году, там были собраны коллекции технических культур: хлопчатник, кенаф, кунжут, сафлор; зернобобовых: пшеница, тритикале, нут, арахис; плодовых: черешня, вишня, персик, абрикос, яблоня, груша. Огромная коллекция винограда со всего света. Овощебахчевые: томаты, перцы, баклажаны, огурцы,

дыни, арбузы, кабачки, тыква. Все теплолюбивые культуры, которые поддерживались в живом виде. Было две теплицы, в одной из которых в живом виде поддерживалась коллекция диких видов хлопчатника, с которыми мне довелось работать.

На этой станции была прекрасная библиотека. По-видимому, когда началось гонение на генетиков и Н. И. Вавилова, все неудобные труды по генетике, селекции и прикладной ботанике были отправлены на эту станцию. Я их, конечно, раскопала и всё, что касалось хлопчатника, перечитала. Так я познакомилась с работами по цитологии диких видов хлопчатника, выполненными Е. П. Раджабли.

В это время мой будущий руководитель кандидатской диссертации, Д. В. Тер-Аванесян, находился за границей, работал в ООН, а директором ВИР стал академик Д. Д. Брежнев. Когда его назначили директором, он стал объезжать все станции ВИРа. Где-то в начале мая посетил нашу станцию. Обходя все отделы станции, знакомился со всеми сотрудниками. В отделе технических культур, где к тому времени я проработала уже почти год, представили и меня. Молодой сотрудник — нужно повышать квалификацию в Ташкентском университете. На что я ответила, что его я и окончила, но очень бы хотела побывать в Новосибирском институте цитологии и генетики, в котором в то время работала Е. П. Раджабли. Самое интересное, что на заявление директора станции, что у нас нет такой возможности, Д. Д. Брежнев сказал: «Посылайте, ВИР оплатит». Так неожиданно-негаданно я полетела в командировку в Институт цитологии и генетики, находившийся в г. Новосибирске, в лабораторию полиплоидии, которую в то время возглавлял А. Д. Лутков, ученик Г. Д. Карпеченко, убитого как врага народа.

В начале июня 1966 года я уже была в Новосибирском академгородке. Там я познакомилась с Е. П. Раджабли. Судьба этого человека очень интересна и даже трагична, ибо её мужа, азербайджанца, генетика Раджабли, расстреляли как врага народа. Сама она знала прекрасно несколько языков и работала с Ф. М. Мауером, которым была написана книга «Хлопчатник», где дана первая классификация рода. Евгения Павловна дала мне ознакомиться со всеми работами по цитологии хлопчатника начала века американских, французских и английских авторов, которые были ею переведены и записаны в тетрадях. Командировали меня на две недели, и естественно, у меня физически не хватало времени. Тогда я пошла к директору института и попросила посодействовать в продлении командировки ещё на две недели. С их учёным секретарем мы написали прошение в ВИР, и мне продлили командировку. Уезжала я из института с таким пожеланием, что в августе зафиксирую материал по цитологии диких видов хлопчатника, которые собраны на станции, и приеду на дальнейшее повышение квалификации в лабораторию полиплоидии. Что, впрочем, и было мною сделано, и февраль – март 1967 года я вновь провела в Новосибирском институте цитологии и генетики.

Надо сказать, что в зимнее время работа в институте была очень интересной и насыщенной. Во-первых, туда поступали все иностранные журналы

по биологии, генетике, цитологии. Во-вторых, каждую неделю проходили семинары, один — по растениям, два — по животным и человеку. Ни одна публикация не отправлялась в печать, пока не была обсуждена на этих семинарах. Всё это мне было очень интересно, и я старалась ничего не пропускать. Не только сотрудники, но и лаборанты института были высокообразованными в области генетики, и когда в стране был Первый съезд генетиков, это было где-то летом 1971 года в Москве в МГУ, практически на всех семинарах выступали сотрудники этого института. Мне также прислали приглашение, и я была там, где вновь встретила с профессором нашего университета В. А. Струнниковым. С утра просматривала привезённый материал, после обеда сидела в библиотеке и посещала семинары по растениям. А жила я в общежитии института с выпускниками Новосибирского университета, с которыми и до сих пор поддерживаю связь, они приезжали ко мне и в Ташкент.

Осенью 1967 года я решила поступать в аспирантуру в ВИР. Здесь следует вспомнить, что, когда я закончила университет, В. А. Струнников предложил рекомендовать меня в аспирантуру, а когда я была в Новосибирске, то там мне тоже предложили аспирантуру по цитологии человека, но я упорно была настроена на ВИР. К тому времени я уже смогла через аспирантуру СОЮЗНИХИ сдать кандидатский экзамен по истории. Когда я пришла работать на станцию, меня избрали секретарем комсомольской организации. Комсомольцев было семь человек. Я отправилась в отдел кадров и выяснила, что на самом деле их двадцать четыре. В это время в стране как раз проходил обмен комсомольских билетов, всех их я нашла, сменила билеты, заставила платить взносы. Двадцать четыре человека — это уже коллектив, и с ним нужно работать. Нас стали часто приглашать в районный комитет комсомола, отправлять комсомольцев на какие-то работы⁶. И тут я собралась в аспирантуру, нужна характеристика. Что тут началось! Двум нашим сотрудникам дали характеристики, и они отправились, но не поступили. Мне же начали устраивать целую обструкцию, чтобы не пустить в аспирантуру. Кончилось тем, что из райкома комсомола секретарь партийной организации станции получила выговор, а хотели они приписать мне ни много ни мало развал комсомольской организации. В результате написали характеристику такого содержания: «Излишнее увлечение наукой не позволяло должным образом исполнять общественную работу». Вот с такой характеристикой я отправилась в Ленинград. Был ноябрь 1967 года. ВИР отмечал восьмидесятилетний юбилей Николая Ивановича Вавилова, который организовали с большим размахом, было приглашено очень много учёных со всего мира. Проходил он во дворце Юсуповых, где в своё время был убит Григорий Распутин. На этот

⁶ Надо сказать, что к тому времени практически сменилось всё руководство станции, а секретарем партийной организации стал секретарь учёного совета станции, с которой у меня был конфликт со времени моего первого научного отчёта. Она мне его «исправила», да так неграмотно, что я пошла и заявила, что прежде чем править, вы хотя бы литературу почитайте, и имейте хотя бы слабое представление, о чём в отчёте говорится. Потом она мои отчёты никогда больше не брала в руки, но обиду не простила, тем более я была моложе её на восемнадцать лет (прим. авт.).

юбилей я и попала. На него приехала и Илария Алексеевна Райкова. Там мы с ней встретились, она тут же познакомила меня со всеми, кто, по её мнению, мог мне помочь: с И. Д. Романовым, который в то время возглавлял отдел цитологии и эмбриологии в ВИРе; Д. В. Лебедевым — директором Ботанического института имени В. Л. Комарова; с заведующей отделом гербария этого института, женой ботаника В. Г. Александрова, которая хорошо знала три языка: английский, французский, испанский. И уже вечером повезла меня к своим родным, чтоб они меня поддерживали при необходимости.

В декабре мне предстояло сдать два вступительных экзамена — генетику и иностранный язык. ВИР расположен на Исаакиевской площади, на улице Герцена, 44, а на улице Герцена, 42 есть прекрасная сельскохозяйственная библиотека. Там-то я и готовилась к экзаменам. Пятнадцатого декабря сдала генетику, а двадцатого декабря — немецкий язык. Зачисление в аспирантуру было только в марте. Проработав на станции два с половиной года, я ни разу не использовала отпуск. Написала заявление на отпуск, мне его предоставили и выслали оплату. Я осталась ждать зачисления в Ленинграде. Вот тут у меня и была возможность посмотреть все достопримечательности этого города. Жила я в общежитии ВИР, тогда это было без проблем. Стоило это проживание три рубля при окладе в семьдесят пять рублей. Питаться можно было в любой общественной столовой, стоило это копейки. У меня был такой распорядок: утром музей, вечером театр. Начала я из Эрмитажа, в который две недели ходила, как на работу, каждый день доходила до определённого места, а следующую экскурсию с него и начинала. А вечером отправлялась в театр. Театров в Ленинграде было много, но в это время гремел на всю страну Большой драматический театр, его возглавлял Г. Товстоногов. Достать билет на спектакль можно было не раньше, чем через две недели. Однако я очень скоро приспособилась. Приходила в фойе театра и там всегда покупала билет с рук, ведь не все успевали приходиться. Так я за небольшой период успела посмотреть все спектакли этого театра. Копелян, Лавров, Стрижельчик, Макарова, Рецепттер, Лебедев, Басилашвили и многие другие известные артисты играли на сцене. Была я и в театре Комсомола, где выступала Алиса Фрейндлих, была и в театре Акимова на представлениях Аркадия Райкина. В Большом зале филармонии слушала концерт Георга Отса, в консерватории была на концерте Эдуарда Хила. За это время я побывала в Екатерининском дворце в городе Пушкине, в Михайловском дворце в городе Павловске и в Ленинграде, в Петергофском в Петропавловске, в усадьбе Репина, на берегу Финского залива. Посмотрела всё, что могла: Кунсткамеру Петра, Петропавловскую крепость. Надо сказать, что после всех этих дворцов и театров, для меня уже не были интересны ташкентские театры и музеи, которые я с удовольствием посещала в годы учебы в университете. Мамина младшая сестра Аня жила в то время в Карелии, у неё была большая семья, четверо детей. В это время к ней в гости приехала с внуком моя любимая тётя Вера из Саратова. У меня ещё оставался почти месяц отпуска, туда я и решила поехать. Написала матери письмо и попросила адрес тётки Ани,

на что мне был ответ: «Нечего тебе там делать». Когда мне было деаять лет, тётя Аня с мужем и сыном приезжала к нам в гости, и с тех пор я помнила, что жили они в Кондапошском районе, деревня 11 километр. Вот по этому адресу я и отправилась, купив билет до города Петрозаводска. На вокзале я дала тёте Ане телеграмму, когда выехала, на каком поезде и в каком вагоне. Со мной ехала случайная попутчица из Кондапошского района, она мне и подсказала, что ехать мне нужно в город Беломорск, до которого ещё нужно было добираться часов семь, приходил поезд туда в два часа ночи. Самое смешное, что я доехала туда без билета, телеграмма дошла и меня встретили. Так побывала я в этом удивительном месте, где сплошные леса, озёра. Тётя Аня была комендантом этого посёлка, а муж работал на лесоповале, куда я с ним так же съездила по зимнику. Почему-то мне всё было интересно.

Шестнадцатого марта меня зачислили в аспирантуру. Руководителем был назначен Д. В. Тер-Аванесян, в это время он прилетел из ООН в отпуск, мы с ним обговорили тему диссертации, предложенную мною, и в середине апреля я улетела в Ташкент. Все три года аспирантуры экспериментальную часть я проводила на опытной станции ВИР, а зимой обрабатывала материал в отделе цитологии, который возглавлял И. Д. Романов. Отдел цитологии располагался в Пушкине, в одном из особняков, подаренных Англией кому-то из родственников царской семьи Романовых, там снимался фильм с участием В. Ливанова «Похождения мистера Холмса».

Когда я поступила в аспирантуру, куда меня не пускали, началась другая эпопея. Выселение меня из квартиры в общежитии станции. При зачислении на работу на станции мне сразу выделили под жильё комнату в самом здании института. Через год меня перевели в квартиру, которая располагалась в карантинном питомнике станции. Там должна была жить семья заведующего карантинным участком, но он жил в Ташкенте. Эта квартира была свободна, туда меня и поселили. Здание располагалось очень изолированно от посёлка, окружено было с одной стороны большим участком под коллекцией винограда, с другой — огромным, гектаров на двадцать, садом института имени Шредера. Вот там мне и предстояло жить. Было это уже осенью, правда, на окнах были железные ставни, и двери на веранду и в дом запирались на внутренние замки. После работы я бегом бежала в эту квартиру, затапливала углём «голландку», запиралась на все замки и в основном читала, писала реферат для поступления в аспирантуру, готовилась к сдаче кандидатских экзаменов по философии и иностранному языку. Так прошла зима, летом стало лучше, ко мне приехала мама, потом в гости приехала тетя Катя с мужем, моя школьная подруга с сестрёнкой — посмотреть Ташкент. Зимой мне было страшновато там жить, так как в сарае с углём жила змея, а в саду — лиса. Ну а летом было комфортно: дом большой — две комнаты, кухня и веранда, да и день длинный. Но с поступлением в аспирантуру те, кто меня в неё не пускал, решили выселить в общежитие. Я, конечно, сопротивлялась, на меня написали в районные профсоюзы. Прибыл оттуда какой-то представитель, но я была права и меня решили переселить в домик на хоздворе

станции. Это была самая настоящая развалюха, да ещё окружённая всей сельскохозяйственной техникой. Приехала моя мама ко мне и сказала: «Плюнь на них и живи в общежитии», что я и сделала. Все три года аспирантуры прожила в общежитии, это было совершенно новое здание, с отоплением и столовой на первом этаже, а на втором жили приезжавшие на станцию сотрудники и аспиранты из ВИРа.

Я поступила в аспирантуру в 1968 году, а Иршат, мой будущий муж, — в 1969. Годы аспирантуры пролетели незаметно. С апреля по октябрь я была на станции, а с ноября по март — в ВИРе. Экспериментальный материал по диссертации я собрала довольно успешно, в первый год получила авто- и аллополиплоиды из диплоидных видов, определила их цитологическую достоверность, скрестила их с естественными тетраплоидами. На следующий год изучила синтезированные гибриды, описала их морфологические особенности, набрала достаточно материала и к концу аспирантуры написала диссертацию. После второго года подготовила две статьи для публикации, а в конце третьего года подготовила статью для журнала ВАК. Все было более или менее спокойно, никто меня не трогал. Целые недели была занята, а в воскресенье, когда жила в Ленинграде, ездила в Комарово, кататься зимой на лыжах. Один раз на лыжах дошла до музея, где перед самой революцией жил В. И. Ленин. Вечерами также ходила в кино и в театры, имела много друзей среди девочек, с которыми жила в общежитии и подружилась в отделе цитологии, потом они приезжали ко мне в Ташкент, на экскурсию по Средней Азии.

Зимой 1970 года из ООН вернулся мой руководитель. Он уезжал с должности директора ВИР, а когда вернулся, место было занято, и его начали «есть». В этой работе приняли активное участие сотрудники отдела технических культур, где я была аспиранткой, написали на него доносы, за что получили довольно хорошие места в институте. Негласно предложили и мне поменять руководителя, якобы он не цитолог и в моей работе ничего не понимает. Если бы я это сделала, мне было гарантировано место работы в ВИРе и быстрая успешная защита. У человека всегда есть выбор, и поступает он так, как позволяет ему его совесть и воспитание. Конечно, я не стала ничего писать на руководителя. Что тут началось! Заключение на защиту диссертации должен был дать отдел. И вот один из писавших на Тер-Аванесяна перед заседанием мне заявил: «Ты знаешь, что наш заведующий отделом — дурак, и я могу ему доказать, что твоя диссертация или гениальна, или дерьмо». И на заседании он, конечно, начал доказывать последнее. Однако на все его замечания мною были даны убедительные ответы, отдел дал заключение, что они «некомпетентны» судить о моей диссертации. Конечно, мне была понятна вся эта «кухня».

На следующий день я отправилась в отдел цитологии с надеждой, что они дадут заключение. Они отказались по той причине, что я не их аспирант, но И. Д. Романов изъявил желание посмотреть мою работу. И часов в двенадцать мы с ним сели за работу. Он её читал, а я сидела рядом

и отвечала на все его вопросы и замечания. В общем, мы проработали с ним до шести часов вечера. Работу мою он оценил хорошо, а это был учёный с мировым именем — классификация зародышевых мешков, разработанная им для покрытосеменных растений, принята во всём мире.

В то время в ВИРе было два совета по защите диссертаций — по сельскохозяйственным и биологическим наукам. Я должна была защищаться во втором. На другой день, придя в отдел технических культур, я заявила тому, кто доказывал, что моя диссертация «дерьмо», кто одобрил мою работу, и добавила, что на защите он «свой язык засунет в ж..у и у него будет круговорот веществ от злости». Говорила всё, что думала, ведь у меня не было никого, за кого бы я отвечала, кроме себя. Для меня это было очень тяжело, но я приняла решение уйти из отдела и искать другую работу на станции. Вопрос решился довольно быстро, меня взяли на станции на работу с виноградом. Эти сведения дошли до завотделом технических культур. Давидян срочно собрал заседание отдела, меня начали прорабатывать и заявили, если я уйду из отдела, где они меня учили, то сделают всё, чтобы я никогда не смогла защититься. Тут меня такая злость взяла, что я ответила: «Ишь, крепостник, помещик, нашёл дворовую девку. Судить о моей работе вы некомпетентны, а я работы не боюсь и без защиты проживу, это Вас отсюда выгонят, Вы нигде не найдёте место». Впрочем, впоследствии так и случилось. К концу моей аспирантуры на станции снова сменилось все руководство. Директором стал академик ВАСХНИЛ Мухамеджанов, он приехал в ВИР принимать дела. Написала я два заявления — о приёме на работу и на месяц остаться в Ленинграде, чтобы доработать диссертацию. Осталась я всё-таки в отделе технических культур. Пока он был директором на станции, из отдела технических культур ни разу никто и не приезжал.

Прибыв на станцию в конце апреля 1971 года, я начала работать с дикими видами хлопчатника, в какой-то мере продолжала свою кандидатскую диссертацию, только в несколько другом направлении. Сначала скрещивала разнохромосомные хлопчатники, а уж потом переводила их на гексаплоидный уровень. Таким образом, мною была создана целая серия гексаплоидов, не существующих в природе. Новая администрация станции предоставила мне одну из освободившихся квартир, купила я мебель, ко мне вновь приехала мама и мы стали жить с ней вдвоём.

Все годы аспирантуры я не теряла связи со своей кафедрой и решила, что защищаться я буду в университете. Правда, защита моя несколько была отсрочена, так как нужна была публикация в журнале ВАК, а там была очередь со статьями. Защищала я кандидатскую диссертацию только в 1973 году.

В это время произошли изменения в моей жизни. Иршат поступил в аспирантуру ВИР на год позже меня. Когда я его первый раз увидела, то подумала: какие хорошие у человека глаза, жаль, что женат. И больше не обращала на него внимания, а он, оказывается, думал, что я «монашка, которая знает только работу да книжки». А был мне в то время уже тридцать один год. В своё время мне делали предложения три моих сверстника, но я почему-то

считала, что это не то. На третьем курсе университета я влюбилась в студента из соседнего с нами общежития строительного института. Он был немцем по национальности, у них в семье было три сестры и он один мальчик. Как выяснилось позже, он должен был жениться только на немке, так как сестры были старше его и были замужем, но не за немцами. В общей сложности мы были дружны с ним четыре года, пока я, наконец, не поняла, что пока мы с ним вместе, ни он не женится, ни я не выйду замуж. И вот когда я поступила работать на станцию, а это в тридцати километрах от Ташкента, я его просто отпустила, сказала, чтобы он больше не приезжал ко мне. Конечно, всё это было очень трудно, но ничего, пережила и решила учиться дальше, в аспирантуре.

С Иршатом мы начали встречаться с 1970 года. Я окончила аспирантуру в 1971 году, а ему нужно было ещё год оставаться в Ленинграде. К тому времени он был уже в разводе, очень много писал мне писем. А я на три – пять его посланий отвечала одним письмом. Он сделал мне предложение, и на первое января 1972 года мы с ним списались встретиться в городе Барыше, чтоб познакомиться с моими родными. Так мы с ним и сделали. Весной 1972 года он написал диссертацию, успешно защитился в ВИРе, и его направили на станцию в отдел зерновых культур, где через год он стал завотделом и проработал там до 1993 года, до развала СССР.

Двадцать четвёртого сентября 1972 года мы с ним поженились, и вот уже сорок восемь лет вместе. В 1973 году вышла наконец-то моя ваковская статья, я доложила диссертацию на кафедре, которую окончила, её представили учёному совету университета, где я и защитилась успешно. Самое невероятное то, что я не окончила университет с красным дипломом, а защищалась одна из первых с курса. Надо сказать, что защищалась я будучи на седьмом месяце беременности. Защита прошла успешно, двадцать восьмого июня мои документы отправили в Высшую аттестационную комиссию, а я ушла в декрет. Июль – август там каникулы, а четвёртого октября меня уже утвердили. Девятнадцатого сентября у меня родился сын, а три года спустя, двадцать пятого июня 1976 года, – дочь.

За эти годы станция была переведена в филиал, было очень большое строительство. Отстроено новое здание филиала, построено несколько многоэтажных домов и целая серия коттеджей, два из них двухэтажные. В одном из них мы и прожили. Получили мы такое жильё потому, что оба были кандидатами, отец был к тому же завотделом и секретарем партийной организации. А у меня уже был стаж работы больше десяти лет. Разбили мы с Иршатом прекрасный сад, построили теплицу, баню и сарай для скотины. Купили машину «Запорожец», развели скотину — корову, баранов; птицу — кур, уток, индюшек. Работать приходилось очень много, при этом каждое лето месяц Иршат был в экспедиции, которую организовывал ВИР. Как только сын Ильяс окончил первый класс, отец стал брать его с собой в экспедицию. Так, будучи ребёнком, он побывал в Туркмении, Киргизии, объехал озеро Иссык-Куль, в Казахстане, побывал в Алма-Ате и на Медео. В это же время

у всех моих тёток появились внуки, и каждое лето они с ними прилетали к нам погреться. Работали, писали статьи, монографии, отчитывались каждый год в ВИРе. После аспирантуры я очень долго работала научным сотрудником, места старшего научного сотрудника для меня не было. И вот в 1978 году я подала на конкурс на СНС сразу в два института: в институт селекции и семеноводства хлопчатника и институт экспериментальной биологии растений. Оба института находились в Ташкенте, и я прошла по конкурсу. В это время у нас в филиале проходила конференция по хлопчатнику, практически вся теплица была занята наработками с дикими видами. На конференцию приехало много специалистов, и из ВИРа тоже. Кроме наработок в теплице, я ещё сделала и доклад. От кого-то из прибывших на конференцию директор узнал, что я прошла по конкурсу. Короче в тот же день нашлось на филиале место старшего сотрудника, на котором я и проработала до отъезда в Россию.

Работать приходилось очень много. Мухамеджанов вновь уехал за границу, и директором стал И. И. Пугачёв, который, будучи председателем профсоюза, выступал против моего поступления в аспирантуру. Когда он стал директором, сколько бы я ни работала, никогда не получала премий, но он посылал меня на все конференции и совещания, если приходили приглашения. В советское время была такая поговорка: «Кто такой научный сотрудник? Любопытный человек, который удовлетворяет любопытство за счёт государства». Я побывала на конгрессе эмбриологов, который проходил в Кишиневе. Летела я туда через Симферополь, в Ялте жила одна из моих тётушек с дочкой, у них я побывала два дня и посетила Ливадийский дворец, где во время войны совещались Сталин, Трумэн и Черчилль. В 1982 году побывала на Всесоюзном съезде по оплодотворению покрытосеменных растений в Душанбе, там нас возили на экскурсию в Арзовское ущелье и горный ботанический сад. В Ленинграде была на Всемирном ботаническом конгрессе, где познакомилась с американским учёным Фрикселом, который описал несколько новых видов хлопчатника Австралии; им, после Мауэра, дана классификация рода хлопчатник; проходило совещание во дворце Потёмкина.

В девяностые годы в Мексике была открыта ВИРовская станция, оттуда материал поступал на карантинный питомник Туркменской опытной станции ВИР в селении Каракали, высоко в горах. Туда я ездила по работе два раза. Долетала до Ашхабада, потом поездом и автобусом до этой станции. Она расположена в приграничном районе. В 1991 году в Ленинграде была сразу на двух совещаниях – Съезд по вилту и в Ботаническом институте имени Комарова на совещании по систематике покрытосеменных растений. В студенческие годы я много ездила, а когда стала учиться в аспирантуре, нас очень часто отправляли от райкома в колхозы с проверкой по работе с хлопчатником, так что объездила практически всю Среднюю Азию. Когда уже работали в филиале, летом возила своих ребятшек в гости к своим тётушкам в Свердловск и Саратов, а из Саратова — в Сталинград, на Мамаев курган.

В это время с подачи Горбачева и Ельцина начался усиленный развал Советского Союза. На стенах домов появились лозунги «Русские — в Рязань, татары — в Казань». Стало просто страшно, и не за себя, а за детей. Наш сын в это время окончил школу, решил поступать в сельхозинститут, в русскую группу было набрано семнадцать человек, и ни один не получил положительной оценки после первого экзамена, апелляцию можно было подавать до восьми часов вечера, а результаты вывесили после девяти. Дочка окончила девять классов, она очень хорошо рисовала и хотела поступать в художественное училище, по рисункам она прошла, но первым экзаменом был узбекский язык, который она не знала. Так что мы даже и не сдавали документы.

Встал вопрос о получении образования детьми, и мы задумались о переезде в Россию. В это время многие из наших сотрудников искали себе место в России. Наш Среднеазиатский филиал не принадлежал академии наук республики, наше финансирование полностью шло из ВИРа, наверное, поэтому наш коллектив был интернациональным. Узбеков у нас было четыре сотрудника, были русские, татары, казахи, немцы, корейцы, греки, украинцы, и не было никаких проблем, учёные советы проходили на русском языке. Но тут появился директор-узбек, и все заседания нужно было проводить на узбекском.

Настала необходимость искать новое место работы. Совершенно случайно от своей однокурсницы, которая работала тоже у нас в филиале, Раи Бородиной, мы узнали, что в Астраханской области открыт Институт аридного земледелия (ПНИИАЗ), который набирает специалистов и в котором они с мужем уже побывали, но он им не подошёл. Они направили свои взоры в Пензу, там тоже был открыт институт, куда несколько позже уехали четыре сотрудника филиала. И вот, получив адрес и фамилию директора ПНИИАЗа — В. П. Зволинского, на майские праздники мы улетели в Волгоград. Дали телеграмму, нас встретили и привезли в Черноярский район, в село Солёное Займище, где второй год формировался этот институт.

Супруг был специалистом по зерновым и бобовым культурам — это основной профиль института. А чем могла заниматься я там со своим хлопчатником? Пока директор разговаривал с мужем, я всё пыталась вклиниться в разговор, чем я могу быть полезна. Директор меня останавливал, а когда окончил разговор с Иршатом, перешли ко мне и решили, что я буду и дальше заниматься хлопчатником. Для меня это было как снег на голову. Но хочу сказать, что я до сих пор им занимаюсь. В 2004 году защитила докторскую диссертацию в ВИРе. Сначала доложила её на учёном совете во ВНИИОБ, а потом защищаться отправилась в Санкт-Петербург. ВИР расположен в двух зданиях: на улице Герцена, 42 и 44, напротив гостиницы «Астория» на Исаакиевской площади, рядом с Исаакиевским собором. Защита прошла очень успешно, больше того, при обсуждении выступил один из старейших учёных ВИР, которого я очень боялась из-за его принципиальности, — Кобылянский, который в своём выступлении предложил посвятить

мою работу памяти Н. И. Вавилова. Выступлений было очень много и все хвалили. Правда, и утвердили меня пятого февраля, а защита проходила в первых числах декабря 2003 года, документы в ВАК были отправлены двадцать восьмого декабря, если учесть ещё новогодние каникулы, то утверждение произошло через три недели, как они туда попали, — третьего марта 2004 года.

Начиная работу в ПНИИАЗ, я вскоре пришла к выводу, что нужно перебраться южнее. Результатом работы является отдел селекции и семеноводства хлопчатника, открытый губернатором Астраханской области А. П. Гужвиным, четыре аспиранта, выпущенных мной по хлопчатнику, в том числе и наша дочь, и семь районированных сортов хлопчатника по Астраханской области. Подробно об этом позже.

Вернулись мы в филиал, и я тут же подала заявление на увольнение. Надо сказать, что с увольнением опять начались проблемы, и мне пришлось отработать целый месяц. Но десятого июня 1992 года я была зачислена заведующей лабораторией растениеводства в ПНИИАЗ. Приехали мы вдвоём с Илюшей, конечно, ни о каких посевах речи быть не могло. И я начала обрабатывать среднеазиатский материал, который несколько позже был оформлен в монографию «Дикие виды хлопчатника — резерв / создания экологически чистых сортов», которая была опубликована в 2000 году. Иршат, мама и дочь оставались в филиале. В августе я поехала туда в командировку, чтобы привезти образцы всех технических, бобовых, зерновых, которые подобрал Иршат для будущей работы в филиале, и привезти дочку, чтобы она смогла окончить здесь десятый класс. Жили мы в общежитии, в котором раньше жили зеки. Удобств никаких, чтобы приготовить обед, нужно было не менее трёх — четырёх часов. Удобства на улице. Привезла я к началу учебного года Юлю и семьсот образцов зерновых культур — пшеницу, овёс, тритикале; более ста образцов других культур — нут, сафлор, кунжут; более ста образцов хлопчатника, при этом основной упор по хлопчатнику был на скороспелость и экологическую пластичность. Стали мы жить втроём — я и дети. Юля пошла в школу, Илюша стал работать на стройке. Иршат готовился к защите. Докторскую диссертацию он защищал в ВИРе в ноябре 1992 года. В сентябре 1992 года к нам приехали на разведку с переездом двое наших сотрудников — Асфандиярова Мунира и Иваненко Лиза. В. П. Зволинский дал «добро» на их приезд. Обе они защитили диссертации, уже работая в ПНИИАЗе, где до сих пор работают и живут. У обеих уже выросли дети, получили образование. Время летит очень быстро.

В октябре 1992 года, чтобы Иршат мог уехать на защиту, мы с Илюшей вернулись в филиал, его оставили с бабушкой, а я опять вернулась в Солёное Займище и снова привезла около трёхсот образцов разных культур, которые подготовили уже трое будущих сотрудников. Осенью заложили опыты по озимым зерновым, на которых в последующие годы было подготовлено несколько аспирантских работ и защищены кандидатские и докторские диссертации. Иршат был первым доктором наук, который был принят

в ПНИИАЗ на постоянной основе. И на учёном совете института В. П. Зволинский заявил, что он пришлёт за нами машины, чтоб нас перевезти в Солёное Займище. Мы с Иршатом отправились в филиал готовиться к переезду, в это время Юля уже училась в десятом классе, и остались они с Илюшей вдвоём в Солёном Займище. Иршат подал заявление на увольнение, стали мы готовиться к отъезду. Квартира у нас была приватизирована на мою маму, её мы продали нашему соседу... Всё оформлялось через нотариуса, до сих пор у меня есть расписка, но мы так ничего и не получили. В конце января 1993 года к нам в филиал пришло три машины с двумя прицепами, посланные В. П. Зволинским, на них мы и погрузили имущество трёх семей, переехавших на работу в ПНИИАЗ. Когда нагруженные машины отправлялись в Солёное Займище, какая-то старенькая узбечка спросила: «Уезжаете?» — и заплакала. Следует заметить, что в сентябре мы заложили опыты по озимым зерновым — пшенице и тритикале. На этом материале было выполнено несколько кандидатских работ. Одна из них — Н. Тютюмой, аспиранткой Иршата, ныне доктором сельскохозяйственных наук, директором вновь организованного в 2018 году Центра, куда вошло три института — ПНИИАЗ, ВНИИОБ от Астраханской области и КНИИСХ от Калмыкии.

Отправив машины с вещами, мы с мамой сели на поезд и пятого февраля 1993 года были на своём новом месте жительства, в селе Солёное Займище Черноярского района. Дали нам ещё одну комнату в общежитии зеков, прибыли машины с вещами, которые поместили в сарай и бывшую баню, и стали жить уже всей семьей. В это время строились коттеджи для сотрудников института, но, к сожалению, они так и не были построены, так как Советский Союз окончательно распался, прекратилось всякое финансирование из академии наук, продолжалось только остаточное строительство для переселенцев. Вот в одном из таких домов все мы, приехавшие, и получили жильё несколько позже.

Летом 1993 года мы посеяли хлопчатник, заложили опыты, обе приехавшие коллеги — Лиза и Мунира — стали работать у меня по хлопку. Срочно доделывали свои кандидатские диссертации, которые несколько позже защитили в РУДН. Надо сказать, что весна 1993 года была холодной, и мы посеяли хлопок только после 15 мая, а 13 сентября этого года ударил мороз и не раскрылось ни одной коробочки. Юля окончила школу и поехала поступать в РУДН на экологический факультет, а Илья — в Волгоградскую сельскохозяйственную академию. В то время у ПНИИАЗ были налажены очень тесные связи с этим университетом, много аспирантов закладывали опыты. В РУДН поехали поступать девять человек из класса Юли, но, к сожалению, поступили только две, среди них — наша дочь. В принципе, я была против, чтоб дочка ехала учиться в Москву, в Астрахани было художественное училище, куда я ей предлагала поступить, но она уехала и поступила. Первый год учёбы в РУДН с освоением иностранного языка прошёл у неё успешно, а сама учеба по специальности начиналась со второго года. Вот тут-то и выяснилось, что это не её. Бросила она университет и решила поступать

в художественное училище. По работе мне приходилось очень много ездить по Югу России, так как я заключала договора по работе с хлопчатником и с администрацией области через ВНИИОБ, и два года с Московским институтом ТНИМИ через Краснодарский институт защиты растений. И вот однажды, взяв рисунки Юли, это было в июле 1996 года, я зашла в училище, чтобы узнать, есть ли у нас шанс поступить. И вот что интересно, директор училища хорошо меня принял, велел разложить рисунки, пригласил преподавателей, чтоб посмотрели, а меня попросил выйти. После этого вызвал секретаря и велел принять документы — это их студент. Илья, проучившись два года в Волгоградском сельскохозяйственном, тоже решил, что ему не нужно образование, и вернулся домой.

Работая с хлопчатником, я не сидела на месте и постоянно ездила по Югу России. Уже в 1997 году, отобрав четыре сорта по скороспелости и с разными типами волокна, связалась с Госинспекцией по сортоиспытанию в Лиманском районе Астраханской области, где провели испытание этих образцов. В это время администрация области, её губернатор А. П. Гужвин были очень заинтересованы в возрождении хлопчатника. Летом 1997 года было организовано совещание по хлопку. И вот непосредственно на поле Гужвину были показаны отобранные нами сорта, а в администрации области мною был сделан доклад о проделанной работе за пять прошедших лет. Слушали очень внимательно, наверное, потому, что был наработан большой фактический материал. До этого мы связались с Камышинским текстильным комбинатом, там была дана технологическая характеристика выделенным сортам.

В 1999 году в ВАСХНИЛ было проведено заседание президиума по хлопку, на которое были приглашены специалисты по хлопчатнику из Ставропольского и Краснодарского краёв, Астраханской и Волгоградской областей. Опять пришлось мне делать доклад, и оказалось, что только у нас и в Ставрополе Абалдовым был показан нормально наработанный материал. Было принято постановление об открытии отделов по хлопчатнику во ВНИИОБ и ПОСС. Было написано письмо-ходатайство о финансировании этого отдела из средств области. С этим письмом я и отправилась вновь к губернатору А. П. Гужвину с замдиректора ВНИИОБ В. Н. Лаптевым. Принял он нас очень доброжелательно, и в декабре 1999 года вышло постановление об открытии отдела селекции и семеноводства хлопчатника в составе шести человек – три сотрудника и три лаборанта. Практически с 1998 года я работала во ВНИИОБ только по договорам. И тем не менее очень интересно решился вопрос с жильём в том же году. Губернатор позвонил при нас в министерство строительства, а мне сказал, что завтра утром нас примет министр и все вопросы по жилью решит. И ещё сказал, что квартира будет непосредственно выдана нам, а не институту. И вот, стою я утром перед министерством строительства и думаю: кому я здесь нужна и кто меня ждёт? В девять утра меня принял министр, и сразу было предложено два варианта — в сентябре на улице Б. Алексеева сдаётся переоборудованное под квартиры общежитие трикотажного комбината, и на этой же улице, в доме 45, тогда ещё

наполовину недостроенном, есть свободная двухкомнатная квартира, которую можно посмотреть сейчас. Был 1998 год, в стране был объявлен дефолт, зарплату не платили по три – четыре месяца. И я решила посмотреть эту квартиру. Министр вызвал своего зама, и на «Волге» мы отправились её смотреть. Квартира мне понравилась — новая, чистенькая, на восьмом этаже, с балконом и большой кухней. Отдали мне от неё ключ для решения, беру я её или нет. Юля в это время уже училась на втором курсе художественного училища и жила в общежитии на ул. Яблочкова. Замминистра уехал на работу, а я побежала к дочке. Её очень обрадовало решение с квартирой, мы с ней вдвоём пришли, посмотрели, и она в тот же день переехала из общежития, а я поехала в Солёное Займище. Приехав вечером, и показала родным ключи, на что мой сынок сказал: «Ты у нас, мамаша, как Остап Бендер». Эта квартира принадлежала фонду госимущества области, целый год мы жили там по договору и только в 1999 году оформили полностью в собственность. Когда мы задумали перебраться во ВНИИОБ, то решили, что Илья останется в Солёном Займище и будет продолжать там работать. Но сам он не согласился с нашим решением и тоже переехал в Астрахань, устроился на завод по переработке рыбы. Это было тоже рядом с нашим новым жильём, поступил учиться на сварщика, успешно закончил и перешёл работать уже по специальности.

С 2001 года наш отдел во ВНИИОБ стал финансироваться уже академией, значительно увеличился состав работников, нас уже было не шесть человек, а четырнадцать. Директором института стал В. В. Коринец, бывший директор Волгоградской опытной станции ВИР. До этого, где-то в 1996 году, мы высекали у него хлопчатник: было интересно, как он ведёт себя значительно севернее, что позже позволило мне охарактеризовать ареал возможного возделывания хлопчатника. С приходом нового директора большой упор был сделан на повышение квалификации сотрудников, и первое, что было предложено мне, — это защитить докторскую диссертацию.

С этим же вопросом мне не давал покоя и Иршат. В 2003 году я поддавалась на их уговоры, доложила на нашем учёном совете и отправилась опять в ВИР, в отдел технических культур. На доклад по моей работе были приглашены многие ведущие сотрудники других отделов, и в ноябре 2003 года я защитилась. Вот так судьба продолжала меня тащить дальше. В этом же году осенью меня пригласили на работу на кафедру ботаники и экологии Астраханского государственного университета, где я проработала девять лет. За это время подготовила трёх аспирантов, которые успешно защитились. При этом я продолжала работать и в отделе хлопчатника ВНИИОБ.

За это время в АГУ был открыт агрономический факультет. Илья закончил его, получил диплом и заявил: «Вы хотели, чтобы я имел высшее образование, я его получил». Но так и продолжает работать сварщиком. С Юлей несколько иная история: окончив два года художественного училища, она поняла, что нужно получить и высшее образование, и осенью 1999 года поступила заочно на геолого-географический факультет АГУ, который успешно

окончила. В 2005 году поступила в аспирантуру на агрономический факультет и в 2008 году успешно защитила кандидатскую диссертацию. Из её работ — отдалённо-географических гибридов — уже во ВНИИОБ нами районировано три сорта хлопчатника.

Из трёх семей, приехавших в ПНИИАЗ, две семьи остались там. Сейчас (2020 год) сын Муниры Асфандияровой является директором этого института.

За годы работы в Астраханской области с хлопчатником я объехала практически весь Юг России. Была в Краснодарском крае, в Институте защиты растений, так как через него заключала договора с НТИМИ, в Ставропольском крае, в Буденновске, в филиале ПОСС (в 2018 году они закупили для посева у нас четыреста килограммов семян сорта АС-1 для посева), в Зернограде (там, в институте ВНИИСХ, состоялось заседание выездной сессии РАСХН по хлопчатнику). объездила всю Волгу, начиная с Камышинского текстильного комбината и кончая всей дельтой Астраханской области.

В 2019 году уговорила сына со снохой проехать по Волге и посетить могилы моих тётушек. Побывали в городе Саратове, где жила с сыном моя любимая тётя Вера, в городе Уфе, где живет племянник Иршата и два его сына от первого брака, потом в Екатеринбурге, где жила моя крёстная — тётя Надя с сыном Валентином и Женя. Навестили всех моих племянников, которые приезжали к нам погреться в Ташкент. Все они уже взрослые и имеют детей, моих внучатых племянников. Потом побывали в Белоярске, где живёт с семьёй старший брат матери снохи. У всех мы не задерживались больше двух дней, вся поездка заняла у нас восемнадцать дней.

Конечно, что-то я не успела и пропустила написать, но основные вехи своей жизни здесь отображены. Я никогда не была тщеславна, но судьбой своей довольна, и на этом всё. Иршат у нас главный работник по саду и огороду. В нашей собственности два участка: на одном стоит дом и гараж, на другом — теплица и баня. Иршат по здоровью ни на что не жалуется. Единственное, что его беспокоило, — радикулит. Поэтому мы не ждали никакой беды. Но вот двадцать первого марта, рано утром, когда мы проснулись, он подошёл ко мне и сказал, что у него всю ночь болел живот. Когда я посмотрела на этот живот, то пришла в ужас, таким он был большим и очень тугим. Вызвали «скорую помощь», и его тут же отвезли в медицинский центр на улице Яблочкова. Там установили, что у него на аорте брюшной полости трещина и кровь поступает в полость живота. Было это уже в двенадцать часов дня, срочно нужна операция, но ни в одной больнице не было места, и только в семь вечера его приняли в областной больнице. Тут же сделали операцию, но у него уже отказали почки и печень. Из-за ковида к нему никого не пускали. Пролежав в реанимации семь дней, он умер. Для нас это было шоком. Умер он двадцать девятого марта в четырнадцать часов. Похоронили мы его тридцать первого марта в Солёном Займище, где похоронена и моя мама. Там с 2018 года открыто и мусульманское кладбище: одна половина для православных, вторая — для мусульман. Прошло уже два

месяца, но осознать этого никак нельзя. Я считаю, что это вина врачей — так наплевательски относятся они к пожилым людям. На момент смерти ему было восемьдесят четыре с половиной года, а двадцать шестого апреля — сорок восемь лет нашей совместной жизни.

P. S.: «Мама не дожила до папиного дня рождения несколько дней. Её не стало 5 сентября 2021 года. Похоронена на кладбище в Солёном Займище, рядом с мамой и мужем», — Ю. И. Шахмедова.